

поскольку форма художественных произведений обладает <...> совершенной организованностью" (Каган М.С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971. С. 290).

8 В.Штайдл, замечает о стихах 73-87 "Искусства поэзии", что у Горация установление художественной нормы рода и жанра есть открытие естественной первоосновы связи метра и содержания, что отвечает эстетическому сознанию древних (Steidl-W. Studien zur Art poetica des Horaz. Würzburg, 1939. S. 48).

9 Об универсальности эτικο-эстетической категории зареке в творчестве Горация см.: Мокробоородова Л.С. Зареке как важнейший принцип учения Горация о поэзии // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. № 8. С. 44-48.

10 Подобным же образом и с той же целью свою сатиру Гораций возводит к Древней комедии (S., I, 4, I-5). О санкционирующей функции "возведения к традиции" в этом случае пишет А.Вуйшик (Wójcik, A. Problematyka literaska w twórczości Horacego. Poznań, 1978. P. 52).

11 Интересно, что Аристотель, кажется, не дает никакого намека на объяснение упадка хора "порчей нравов" публики (Poet., 1456 A 25-32).

12 См.: Шталь И.В. Поэзия Гая Валерия Катулла. М., 1977. С. 135-145.

Н.А.Чистякова

ЭВОЛЮЦИЯ МОТИВА БРОШЕННОГО ЩИТА (от Архилоха до Горация)

Одной из самых популярных од в наследии Горация является ода к Помпею Вару; ее автобиографичность и максимальное самораскрытие поэта очевидны. Содержание оды вполне конкретно. Гораций идет у себя в сабинском поместье давнего друга. В прошлом оба они сражались против Октавиана в войске Брута, а затем надолго разлучились. Ода построена по строгим архаическим нормам рамочной композиции. Центральная трехstroфная часть окаймлена двустрофными введением и заключением. Первый вопрос Горация к Помпею о том, кто вновь привел его сюда, остается без ответа. За ним следует воспоминание о бывших воинских тра-

пезах; для Горация тогда не было никого ближе Помпея (*primus meorum sodalium*). Воспоминание сменяется рассказом о трагических событиях битвы при Филиппах. Поэт признается, как, бросив щит, бежал он с поля боя, а все войско тем временем сдавалось на милость победителя. Причем спасителем Горация явился бог Меркурий, чье появление в битве не могло быть случайным, как окажется далее. Помпея ожидали новые испытания. Теперь, в день свидания, Гораций призывает друга отблагодарить Юпитера за дарованное ему возвращение. Этим даром будет обещанный пир. Ответ на вопрос, поставленный в начале оды, исчерпан в последней строфе центральной части. Итак, нынешним свиданием друзья обязаны богам. В заключение оды Гораций рисует предстоящий обоим пир (*obligata cæna*). А далее опять переходит к рассказу о себе. Он представляет, как выпитые чаши вина уподобят его фракийцам (*эдонам*). Подобно им он будет предаваться вакхическому веселью, ощущая безумную радость от встречи (*bacchabor Edonis: recepto / dulce mihi furere est amico*).

Спас Горация Меркурий (...*me...Mercurius celer / denso sustulit aere*). Вмешательство Меркурия в судьбу Горация символично. Согласно греческому мифу Гермес (лат. Меркурий) изобрел и подарил Аполлону лиру, символ поэтического искусства.¹ Горацию надлежит отблагодарить своего божественного спасителя, что он и выполняет, сменив воинские доспехи на лиру. Так поэт оправдывает свое бегство и намекает на покровительство Августа, началом которого было поражение при Филиппах. Современникам этот намек был достаточно ясен, так как Август и весь его род считали Меркурия своим божественным покровителем.²

Но оставался еще один не менее серьезный упрек воину Горацию, бросившему щит на поле брани. Подобный поступок всегда считался позорным, и Гораций, осознавая свою вину, признается, что поступил недостойно (*relicta non bene...*).³

За пять с лишним веков до Горация о брошенном в сражении щите рассказал греческий поэт и воин Архилох, основоположник всей античной и европейской лирики.⁴ Гораций неоднократно упоминает об Архилохе на всем протяжении творческого пути,

почему-то оговариваясь, что его близость к древнему поэту касается лишь формы и эмоциональной выразительности стиха (*numeros animosque secutus*).⁵ Ода к Помпею Вару – свидетельство лукавства Горация – близость обоих поэтов была значительно шире и глубже. В этой оде немало архилоховских мотивов, являющихся отправной точкой для Горация. Одни из них лежат на поверхности, другие скрыты, третьи тщательно замаскированы. Исследователи, как правило, указывают на наличие таких мотивов, но не объясняют их и не раскрывают их роли в античной традиции обоих литератур.⁶

Мотив брошенного в бой щита – один из таких замаскированных мотивов. Возможно, не случайно, что оба щита были утрачены близко друг от друга. Архилох бросил свой щит на о. Фасосе, когда паросские колонисты сражались с местными фракийскими жителями. На месте же древнего фракийского поселения на фракийском берегу напротив Фасоса был основан г. Филиппы, издавна заселенный фракийским племенем эдонов. Для древних ценность вещи была неотъемлема от ее владельца, являлась его частью. Тожество субъекта и объекта Архилох подчеркнул, прилагая к щиту древний формульный эпитет "безупречный".⁷ Эпитет щита должен быть тождественным эпитету его владельца, отсюда понятно восхищение приобретенным щитом его нового владельца, какого-то безымянного саица, т.е. фракийца. Этим начинается архилоховский текст. Гораций также, но вскользь, упоминает о фракийцах; судьба брошенного щита и сам щит ему глубоко безразличны. Он даже пренебрежительно называет свой щит щитком или щитишком (*parvula ot parva*).

Ода Горация состоит из 28 строк и полностью закончена. Текст Архилоха сохранился в двух дистихах, т.е. состоит из 4 строк и спор об его законченности неразрешим.⁸

В переводе В.Вересаева текст гласит:

Носит теперь горделиво саиц мой щит безупречный:
 Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
 Сам я кончины зато избежал. И пушкой пропадает
 Щит мой, не хуже ничуть новый могу я добыть.

Впервые это четверостишие с именем Архилоха привел Плутарх. Спартанцы, по его словам, ненавидели Архилоха, который осмелился ради спасения жизни бросить в бой свой щит.⁹ Первоисточником Плутарха был живший примерно за полтысячелетие до него Критий, лидер афинских тиранов в конце V в. до н.э., ученик Горгия и Сократа, спартанofil и поэт. О ненависти Крития сообщает Элиан, говоря, что Критий называл Архилоха развратником, прелюбодеем и негодяем и осуждал за утерю щита. При этом Элиан считает нужным сказать, что он не разделяет мнения Крития.¹⁰ Но у своих современников Критий был авторитетен и впоследствии, не ранее второй половины IV в., его рассуждения были использованы в качестве реальных фактов биографии поэта.

Где и по какому поводу Критий выступил против Архилоха, неизвестно. Некоторые косвенные данные свидетельствуют, что он осуждал не умершего за два столетия тому назад паросского поэта, а современных ему комедиографов, продолжателей и преобразователей Архилоха.¹¹ В комедии Аристофана "Мир", поставленной в 421 г. в честь завершения пелопонесской войны, которую считали уже законченной Аристофан и его зрители, главный герой Тригей в финале пьесы готовил праздничный пир. Для песни на пиру Тригей выбирает двух мальчуганов. Песню первого он сразу же бракует, как призыв к войне, и останавливает свой выбор на втором, хотя тот успел произнести только начало песни. Эти две с половиной строки, процитированные Аристофаном, с незначительными расхождениями совпали с плутарховским текстом. У Аристофана песня анонимна. Имя Архилоха назвал только позднеантичный или же византийский комментатор.¹²

Итак, в конце V в. до н.э. Аристофан и его зрители хорошо знали песню о брошенном щите, столь подходящую для застолья. Тригею она показалась антивоенной и он назвал юного певца благомыслящего Клеонима, противопоставив его сыну Ламаха, ненавистному для Аристофана поклоннику войны.¹³ Гораций принимает аристофановскую модель типизированной оппозиции воина (Ламах и сын) и антивоина (Клеоним и сын), но переосмысливает ее в индивидуализированном плане (ты - Помпей, я - Гораций). Таким образом, греческий комедиограф типизировал своих реальных современников, а Гораций подменял комедианне

стереотипы реальными личностями, собой и Помпеем Варом. Гораций сохранил и пиршественную ситуацию, и повод для пира, т.е. завершение войны. Общей оказалась и застольная песня, замаскированная в мотиве брошенного щита. Такой прием скрытого цитирования был свойствен античной поэзии.

Идеи Горация оформляются на фоне архилоховского текста, который для нас остается загадочным. Аристофан считает этот текст застольной песней. Ее жанр вполне соответствует ее метрическому строю, т.е. элегическому дистиху.

Ранние греческие элегии, восходящие к VII в. до н.э., были небольшими дидактичными и эмоциональными песнями, предназначенными для одноразового исполнения на различных ритуальных трапезах, от воинской до поминальной (Архилох, Каллин, Тиртей).¹⁴ Среди фрагментов Архилоха очень мало элегий. Вест опубликовал лишь 18 текстов от десяти до одной строки, включая палирусские отрывки крайне плохой сохранности. Они составляют лишь около 6% от общего количества фрагментов. Объяснение, возможно, в злободневности тех ситуаций, которые требовали публичного выступления Архилоха. Неизвестный уже отдаленным потомкам повод выступлений приглушал эти песни, незакрепленные в памяти и ненашедшие письменной фиксации. Исключение составляли лишь отдельные отрывки, вошедшие в сокровищницу апофеи м и афоризмов. Так, мог запомниться разбираемый текст, порожденный в суровой обстановке освоения паросцами фракийских земель в связи с каким-то конкретным событием.

По мнению Крития, Архилох проявил себя трусом в одном из столкновений с противниками и покинул поле битвы, бросив щит. Но все наши источники, давно известные и вновь обнаруженные, опровергают подобную дискредитацию поэта. Остров Парос, родина Архилоха, благоговейно хранил в веках память о своем великом земляке. В его честь было воздвигнуто святилище, Архилохийон, в развалинах которого обнаружилась фрагментарная надпись, а в ней помимо прочего описывались военные подвиги Архилоха в стычках с фракийцами. Там же рассказывается о дельфийском орakule, предвещавшем поэту бессмертную славу, а творчество поэта в заключении паросской надписи названо до небес прославленной и вечной песней.¹⁵ Отдельные фрагменты Архилоха подтверждают

благородство его происхождения, его ведущую роль в коллективе паросских колонистов и личный героизм. И тут становится понятной оговорка Элиана, выразившего свое неприятие оценки Крития. А современник Элиана Афиней говорит об Архилохе как о превосходном поэте, прославленном на общественном и поэтическом поприще.

То, что было нормой для Горация в ее древние времена, не могло устроить Горация. Для него утрата щита метафоризировала отказ от общественной деятельности ради поэзии, на которую призвал его Меркурий-Октавиан. Происхождение такой метафоры, как и у Архилоха, возникло из древнего представления о тождестве война и его доспехов, с которым связан древний обычай снятия доспехов поверженного врага. Не случайно в "Илиаде" Гектор, убив Патрокла, передает троянцам его щит (Il., XVII, 129). Миф о споре за право владеть доспехами погибшего Ахилла нашел широкое распространение в словесном и изобразительном искусстве. Согласно преданию, во время длительной войны Мессении со Спартой в V в. до н.э. Аристомен, вождь мессенцев, в бою лишился щита. Дельфийский оракул приказал Аристомену отыскать щит. Пройдя почти всю страну, Аристомен обнаружил щит в Беотии, где и оставил его в храме Зевса Трофонии. По словам Павсания (II в. н.э.), который изложил эту историю по поэме Риана (IV в. до н.э.), щит и в его времена продолжал висеть в храме (IV, 5-7).

Во время войны предводитель мессенцев не унес с собой щит, а посвятил его богу. Таков был обычай архаической Греции. А посвященные дары исстари сопровождалась посвященными надписями. Самая ранняя из таких посвященных надписей сохранилась в "Венке" Малеагра (I в. до н.э.) и повторена в византийском словаре "Суда". Ее авторство приписано Анакреонту. В переводе она гласит:

Щит, избавитель Пифона, в сраженьях войны злозвучащей,
Нынче в ограде твоей, здесь, о Афина, висит
(AP, VI, 141).

Такая эпиграмма не имеет современных ей аналогов в эпи-

грамматических сборниках, но не является уникальной. О древнем обычае подобных посвящений указывает помимо прочего долгая альфа в гексаметре эпиграммы.¹⁶ Воины после боя либо посвящали богам щиты противников, либо дарили свои за спасение собственной жизни. Сохранились шесть надписей более позднего времени, не ранее IV в. до н.э. Их авторами являются поэты, последователи так называемого пелопоннеского направления, т.е. ревностные хранители старых традиций. Все эти тексты, подобно архилоховскому и анакреонтовскому, составлены в элегических дистихах.¹⁷

Изначальная близость элегий и эпиграмм, неизменно отмечаемая исследователями, имеет свои корни в ритуальных церемониях, стимулируемых обрядами и обычаями. В этих церемониях поминальная песня (френ) сочеталась с эпитафией, а призывно-воинственная — с надписями на доспехах. Нам точно неизвестны те церемонии, которыми Архилох и его современники отмечали выдающиеся события своей мирной и военной жизни. Но для любой церемонии ритуальные предметы необходимы для "вещного" оформления происходящего. Возможно, такова была роль архилоховского щита, а время преобразовало реальность в метафору, дошедшую и до Горация.

Фрагментарный или же законченный текст Архилоха мог восходить как к застойной элегии, так и к эпиграмме, вернее — надписи, чьи отзвуки слышатся в эпиграмме Анакреонта. В сложной обстановке освоения чужих, фракийских земель, во время походного застолья того коллектива, который возглавлял Архилох, слуга Ареса и Муз, т.е. вождь и певец (см. Fig. 1 и 2), он прославил одержанную победу, поблагодарил богов или бога, выразил презрение противнику и объявил, что жизнь подарена ему для отмщенья.

Конечно, эта реконструкция гипотетична. Однако существование текста в веках остается непреложным фактом. Как Критий, так и Аристофан интерпретировали этот текст в соответствии со своими идеями, задачами, актуальными проблемами, в рамках своего мироощущения.¹⁸ Мир Архилоха был тождественным миру его реальной действительности, воспринятому социальным сознанием его современников. Для них деятельность Архи-

люди и он сам казались богоявленными. Поэтому в своих "откровениях", в своем "я", Архилох демонстрировал образцы поведения для каждого члена своего коллектива, как носителя второго лица, т.е. для "тебя". В своей среде Архилох не мог восприниматься в личностном аспекте, а третье лицо, т.е. "он" и "они", могло относиться только к врагам. Шит, подобранный врагом, сделался чужим; Архилох же сохранил себя для своих. Преступив древнее отождествление лица и вещи, субъекта и объекта, поэт сохранил не менее древнее представление об антагонистах своего социума. Поэтому этической оценки поступка в его тексте еще не могло быть.¹⁹

Иначе действовал Гораций, знавший, что его неблагоприятный поступок, а с ним и вся его предыдущая деятельность, требовали объяснения и оправдания. Свое бегство и утрату щита он оправдывал стремлением спасти собственную жизнь, чтобы сменить путь воина на путь поэта. Выбор он сделал сам. Правильность же его решения подтвердило вмешательство Меркурия, символизирующего не только прощение и примирение, но и однозначность в объективной оценке нового поприща поэта. Так решения и действия, которые Гораций предпринял самостоятельно, оказались санкционированными свыше, и таким образом собственная позиция была морально оправдана. Для своего самоутверждения Гораций обратился к Архилоху, заимствуя у него мотивы и образы. Архилох же, будучи служителем богов, всюду и всегда поступал согласно своему предназначению: ни он, ни его аудитория не сомневались в правильности божественных указаний. Римский поэт не только осознал, но и подчеркнул свою самостоятельность. Поэтическая стезя, начиная от Архилоха, вела его вперед к новой поэзии, но требовала божественных и земных покровителей. Во главе них Гораций поместил самого Юпитера, отца богов и людей. Пир обоих друзей, некогда обещанный Юпитеру, должен реализоваться, а его вакхическая обустроенность будет гарантией благосклонности богов. Тема пира у Горация требует, конечно, отдельного рассмотрения. Следует только отметить, что для последователей Эпикура она принципиально значима. Так, Филодем, греческий философ-эпикурец и поэт, переселившийся в Италию, будучи поколением старше Го-

рация, эпиграммой приглашает друга, Л.К.Писона, в свою "скромную хижину", чтобы вместе отметить день рождения Эпикура, традиционный праздник его почитателей (АР, XI, 44). Для Филодема, высокообразованного человека и наставника римлян, именно эпиграмма стала новой формой философского самоутверждения и включения поэзии в круг непреходящих жизненных ценностей, в чем ему следовали Лукреций и Гораций. Но Гораций стремился решить более важную для себя проблему, используя весь опыт греков, и в первую очередь помня об Архилохе.

Примечания

- ¹ См., например, гомеровский гимн к Гермесу, сатирическую драму Софокла "Следопыты".
- ² Только Меркурий-Октавиан сумел спасти жизнь Горация и вынести его с поля гражданских смут. См.: Сагн., I, 2 о том же.
- ³ Гораций цит. по изд.: *Horatius. Opera / Rec. P. Klingner. Lipsiae, 1959; Архилох: Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati / Ed. M. West. Oxford, 1971-1972. Vol. 1-2; Эпиграммы: Anthologia Graeca / Ed. H. Beckby. München, 1965-1970. Bd. 1-4 (сокращение AP = Антология Палатинская).*
- ⁴ Archil., Frg. 5; Terzaghi N. *Abjecta non bene razmula* // *Bolletino di Filologia Classica. 1928. N 3. P. 23-24.*
- ⁵ Ер., I, 19, 23-25, 28; Агс, 79; С., II, 3, 12.
- ⁶ Nosbet R.G.M., Hubbard M. *A commentary on Horace: Odes, Book 2. Oxford, 1978, ad locum.*
- ⁷ Редкий эпитет *ἀσπίλιτος* - 'безупречный' встречается у Гомера с именем одного троянского вождя (II., XII, 109). Позднее он засвидетельствован у Пиндара и Геродота.
- ⁸ Д.Пейдж и М.Вест полагают, что этот текст можно считать как законченным, так и фрагментарным. Однако Д.Пейдж открывает им свое издание греческих эпиграмм. По мнению Г.Френкеля, данное четверостишие - фрагмент несохранившейся элегии (Frenkel H. *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums. München, 1962. S. 52.*)
- ⁹ Flu., *Instit. Lac.*, 34, 239b. - Поздняя античность неоднократно обращалась к этому тексту, цитируя его полностью или же частично (Страбон, Аполлодор, Филострат и др.).

40

A e l i a n. *Varia Historia*, X, 13; Archil., Frg. 295. - По словам Крития, Архилох выбросил щит - *την σπιίδα αλεβαλεν*. Сам Архилох признается, что щит был оставлен им невольно, необходимо - *καλλιστον ουκ εδρασω* (R a n k i n H.D. *μοιλος, λαμπος και υβριστης*. Critias and his criticism of Archilochus // *Grazer Beiträge*. 1975. S. 324 sqq).

11 L l o y d - J o n e s H. Justice of Zeus. Berkley, 1975. P. 39; L e f k o w i t z M.H. Fictions of literary biography: The new poem and the Archilochus legend // *Aethusa*. 1976. Vol. IX. P. 181-189; E a d e m. The lives of the Greek poets. London, 1981. P. 25-31.

12 R a n k i n H.D. Archilochus of Paros. New Jersey, 1971. P. 3, 4 etc.

13 A r ., P a x, 1298-1301. Schol., ad locum. - Известно, что за комедийными Клеонимом и Ламахом стоят одноименные политические деятели - современники Аристофана.

14 Ч и с т я к о в а Н.А. Греческая эпитаграмма VIII-III вв. до н.э. Л., 1983. С. 55-58.

15 G r a h a m A.J. The Foundation of Thassos // *British School Annual*. 1978. Vol. 73. P. 83-84; Archilochus. *Fragments* / Ed. G.Tarditi. Roma, 1968. Vol. 2. Frg. 89-115.

16 Нежонийская альфа в гексаметре и ее отсутствие в пентаметре до сих пор смущает исследователей и издателей. Но именно она подтверждает древность этой эпитаграммы, состоящей первоначально из одного гексаметра с общегреческой альфой. Пентаметр был добавлен позднее и, возможно, сделал это добавление конец Анакреонт.

17 A P, VI, 128 - Мнасалк; A P, VI, 129-131 - Леонид Тарентский; A P, VI, 126 - Диоскорид.

18 Наследие Крития очень невелико; малочисленны и фрагментарны застольные элегии, самый большой фрагмент - прославление Спарты - цитирует Афиней (*Athen.*, 432 d).

19 Архилох оставил щит невольно. Гораций дает этическую оценку подобного поступка (*non bene*). Впервые такая оценка известна нам у Аристофана и его современника Крития. Примечательно, что из всех русских переводчиков Горация только Пушкин подчеркнул значение для римского поэта подобного признания: "...нечестно бросив щит..." Пушкин воспринимал поэзию Горация в современной ему действительности и полагал содержание близким себе; см. подробно: A l b r e c h t M. von. *Norazens Pompeius-Ode (II, 7) und Puskin* // *Res publica litterarum: Studies in the classical tradition*. Univ. of Kansas, 1983. Vol. 6. P. 5-23.